

Холл и столовая в цокольном этаже особняка Цукановых. Над столиком — работа Дмитрия Плавинского «Наторморт в церкви».

Хозяйка дома, финансист-энергетик Наталья Цуканова, на фоне картины Виталия Комара и Александра Меламиды «Красный флаг». На Наталье: хлопковое платье, **Roksanda Ilincic**; кожаные туфли, **Christian Louboutin**; серебряные серьги с кошачьим глазом и перламутром, металлическое кольцо с родиевым покрытием с иолитами, танзанитом и топазом, все **Stephen Webster**.

ДОМ-МУЗЕЙ

Свой лондонский особняк финансисты Наталья и Игорь Цукановы добровольно превратили в выставочный зал.

Текст: Эдуард Дорожкин

Так это совсем просто! Дойдете до паба, а там уж рукой подать, — стоило мне вытащить из кармана карту Лондона, как господин лет ста десяти, в дождевике Burberry и охотничьих сапогах спешит указать мне дорогу. — Карты врут. Я дал вам кратчайший маршрут». Я, разумеется, не отказываю себе в удовольствии заглянуть в означенный паб, на протяжении веков принадлежащий, как сообщает памятная табличка, семье графов Оксфордских. Здесь, в районе с гордым именем Royal Borough of Chelsea and Kensington, всякое бывает. Вглядываюсь в посетителей. Ну, кто из них герцогиня Мэддокс, по воскресеньям выезжающая за биоредиской на старинном велосипеде в смешной

шапочке с помпоном? А кто — «паровоз», то есть председатель Попечительского совета Итона: этот господин тоже живет метрах в ста отсюда. Подарит ли мне судьба встречу с Полом Смитом — или придется довольствоваться Ричардом Брэнсоном, в гости к которому нелегкая судьба журналиста-международника уже забрасывала меня пару-тройку лет назад. Он, как и Цукановы, тоже обитает на границе Южного Кенсингтона и Ноттинг-Хилла. Только они — в отдельном доме, а главный «девственник» мира — в так называемом георгианском таунхаусе. Я помню, как это было. «Чай? Кофе? Вода?» — заботливо поинтересовался миллиардер.

«Шампанское? Белое? Красное?» — с ходу радует меня Игорь Цуканов, и мы садимся в гостиной с бутылкой симпатичного шато из апелласьона Margaux. Все счастливые семьи счастливы одинаково? Пожалуй, все-таки нет, Лев Николаевич. Цукановы, вот точно, счастливы по-своему. «А можно, я скажу?» — спрашивает Наталья. ❖

Художественная столовая.
Слева — работы так называемого второго периода члена «Лианозовской группы» Владимира Немухина.
Справа — картины Дмитрия Плавинского.

Британская чопорность — это миф.
Из культуры она давно превратилась в субкультуру, в *которую*
нам окунаться неинтересно.

Игорь и Наталья Цукановы с детьми — дочерью Катей (9) и сыном Никитой (18) в гостиной своего лондонского дома. На заднем плане — работа художника Евгения Рухина «Корабль». На Наталье: хлопковое платье, **Antonio Berardi**; кожаные туфли, **Gucci**; серебряные браслет с бирюзой, кошачьим глазом и перламутром и кольцо с перламутром, все **Stephen Webster**.

«Наташ, я продолжу твою мысль?» — интересуется Игорь. Или «Позволю себе возразить». Они говорят по очереди, давая друг другу высказаться вкратце, но у меня ощущение, что это один голос, разложенный на два — как в «Со вьюном я хожу, с золотым я хожу». Обманчивая полифония, а за ней — согласие, без которого не случается таких домов. И, конечно же, достаток, совсем не лишний в подобном случае, но достаток весьма специфический: он — не крик, он — шепот. И составлен этот достаток не из одной мужниной реки Волги, а из двух полноводных финансовых потоков. Игорь несколько лет назад удачно продал свою инвестиционно-финансовую компанию «ЦентрИнвест Групп», а Наталья, двенадцать лет отдав структурированию крупных энергетических сделок в банке J. P. Morgan, теперь работает на себя — в компании «Зенон Капитал Партнерс».

Собственно, именно Наташина работа в J. P. Morgan — офис располагался в лондонском Сити — привлекла Цукановых в Лондон. Сначала жили в районе Холланд-парка — в таком же пятиэтажном таунхаусе, что и жадина Брэнсон. А потом стали подрастать дети — Никита (выпускник Итона, сейчас он уже учится в Йеле) и Катя. Рос и еще один их «ребенок» — коллекция неформального советского искусства пятидесятих—семи-

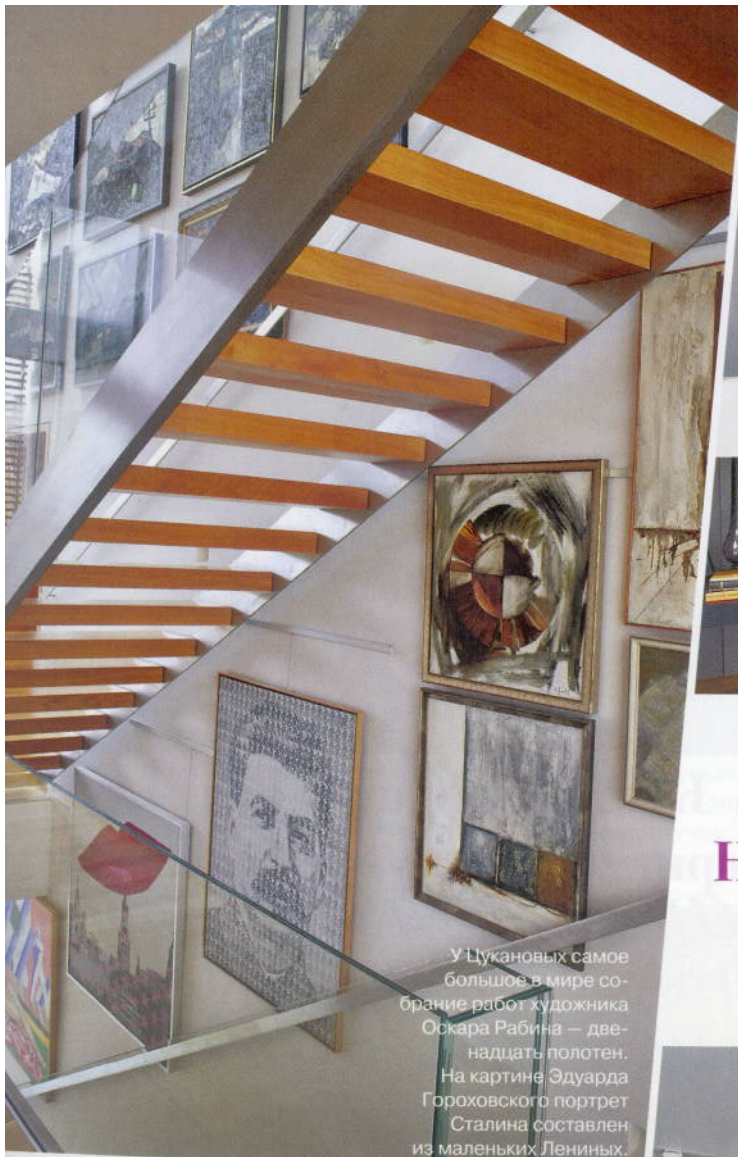
десятих годов: в доме с огромным количеством окон, но почти без стен их просто некуда было вешать. «Две тысячи шестой год, когда мы начали искать дом, был пиком истерии, — вспоминает Игорь. — Здесь, в Кенсингтоне, продавцы даже устраивали аукционы, кто больше даст. Что-либо стоящее купить было почти невозможно. И вот мне позвонил известный девелопер Майк Спинк: «Дома для тебя у меня нет, но есть проект. Ты можешь что-то в нем изменить, но он настолько хорош, что делать этого не придется». Через шестнадцать месяцев чудо произошло: на месте двухэтажного барака послевоенной постройки, окруженного со всех сторон архитектурой восемнадцатого—девятнадцатого веков, в самом сердце Кенсингтона, появился современный частный дом из стекла и бетона. В его существование поверить почти так же сложно, как в домик Карлсона на крыше, но я видел его, пил в нем красное вино, грелся у газового камина, осматривал выдающуюся коллекцию картин (часть ее, кстати, можно разглядывать прямо с улицы — в огромные панорамные окна) и даже, признаться, от изумления сфотографировал его на телефон.

«Не верьте тем, кто брюзжит на Лондон, — с улыбкой просит меня Наташа. — Это великий город. Удобный. Чистый. Открытый. Задержаться здесь нам помогло еще одно существенное обстоятельство:

в Великобритании есть такая профессия — няня. Не подработка няней, а именно профессия — с соответствующими дипломами, с правами и обязанностями. Британская столица — идеальное место для того, чтобы растить детей. Когда нас нет дома, няня — глава семьи, наш домашний менеджер. А еще в Англии великолепные школы — я имею в виду, разумеется, лучшие из них. В Москве, отправляя ребенка в «элитную» школу, мама одновременно нанимает репетитора по математике, русскому, английскому, французскому. Здесь такая дикость и в голову прийти не может, настолько сильно преподавание. Наша дочь дополнительно занимается в Королевском колледже музыки, но это уже другое дело — как бы специализация».

Чтобы возможность выучиться была не только у их детей, но и у ребят из бедных русских и украинских семей, волей providения заброшенных на Туманный Альбион, Цукановы учредили фонд: из собственных средств они возмещают восемьдесят пять процентов платы за обучение, а остальные пятнадцать дают школы, заинтересованные в способных учениках. «Огромная ошибка русских родителей — нести в школу деньги. Туда надо идти не с бумажником, а за знаниями».

Я интересуюсь, как аристократическое окружение отнеслось к появлению цукановского дома. «Я так и сказал: ❖

У Цукановых самое большое в мире собрание работ художника Оскара Рабина — двадцать полотен. На картине Эдуарда Гороховского портрет Сталина составлен из маленьких Лениных.

Хозяйская спальня — единственное место в доме, куда не допущено советское неформальное искусство. На стенах — японские декоративные панели.

Чем больше людей увидит эти *картины*, тем лучше. Но пока нет музея, мы выставили их дома, а *знайки*, важнее всего для нас стены.

Над камином — работы Эрика Булатова. Справа от них — картина Олега Васильева «Перед закатом». Круглая работа — «Небесное явление над Иерусалимом» Дмитрия Плавинского.

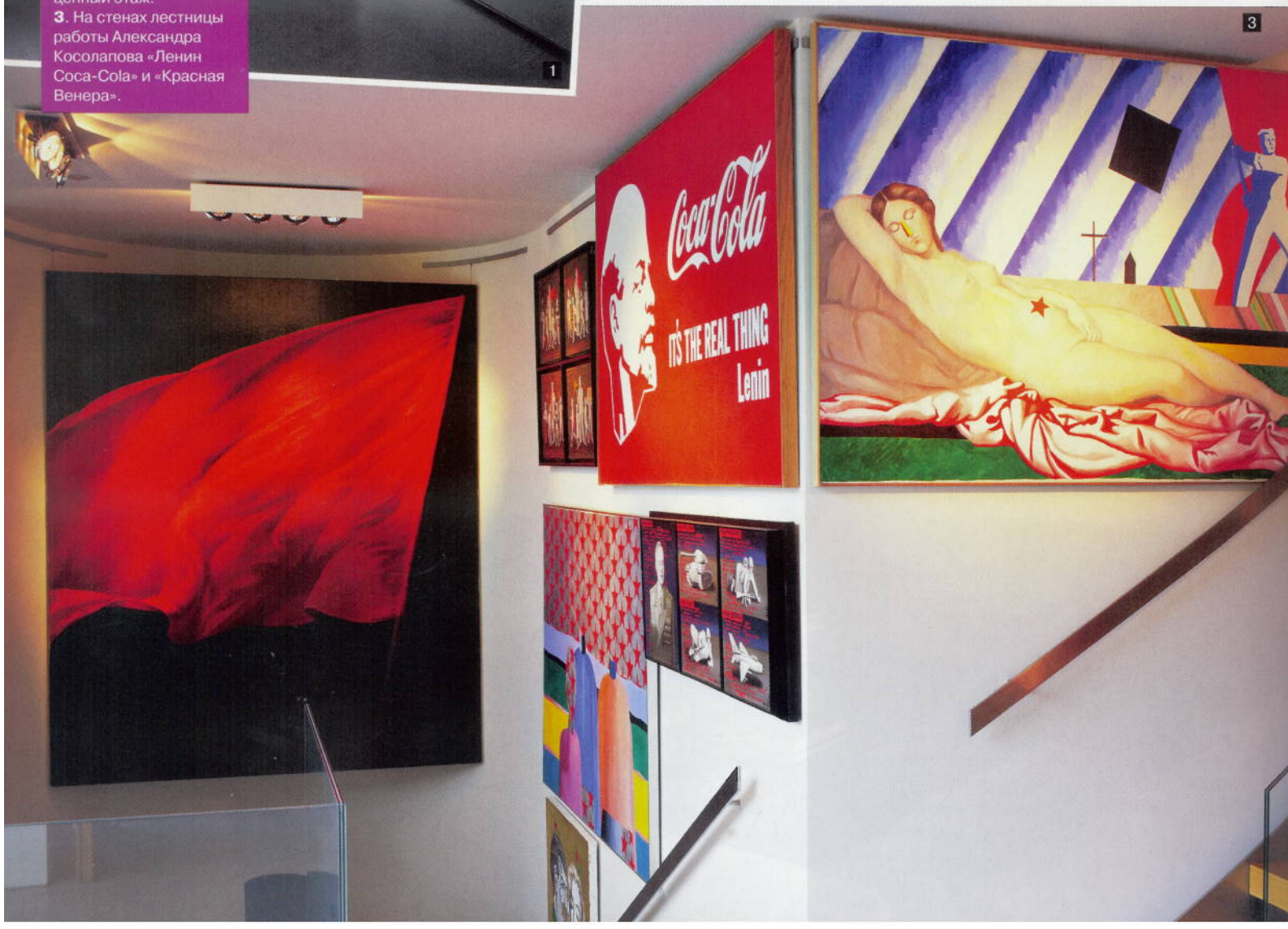

1. В хозяйской ванной нет ничего лишнего.
 2. Бассейн построен в цоколе, в ходе работ превращенном в полноценный этаж.
 3. На стенах лестницы работы Александра Косолапова «Ленин Соса-Cola» и «Красная Венера».

Когда к нам приходят американские кураторы, их охватывает восторг. «Откуда они у вас? Ведь это первый класс».

Наташа, нас будут ненавидеть. И мы стали думать, как загладить несуществующую вину. Прислать икры и водки? Скажут: русский медведь пришел. В общем, где-то через месяц после новоселья Никита решил устроить вечеринку для друзей. И отправил всем соседям сообщение: простите меня, студента Итона, за возможные неудобства, вот мой имейл, адрес, телефон. Неудобств, разумеется, никаких не было — но письмо имело фантастический эффект. Мы сразу со всеми подружались, выяснили, что живем среди прекрасных людей. История с письмом — очень британская».

Гостиная Цукановых способна вместить до восьмидесяти гостей — примерно столько их собирается на музыкальные вечера, которые устраивает у себя русская пара. «Так сложилось, что у нас много друзей среди музыкантов, — объясняет Наташа. — Они приходили, поздравляли с новосельем, и кто-то спросил: а может, мы у вас поиграем? У Кати тогда было фортепиано, но к первому концерту — Чарльза Оуэна — мы купили рояль». Игорь и Наталья входят в почетельские советы Королевской оперы и Лондонского филармонического оркестра и даже «спонсируют» зарплату его главного дирижера, нашего соотечественника Владимира Юровского: в Англии это общепринятая практика. А элегантный белый рояль Blüthner стал еще одной доминантой в гостиной — в дополнение к знаменитым живописным полотнам, выставленным здесь.

Коллекционером Игорь оказался страстным. Начав, как почти все русские собиратели, с увлечения Гончаровой и Ларионовым, финансист быстро понял, что собрание не будет значительным. И пошел своим путем, «с потрохами» погружившись в андеграундное советское искусство. В его коллекции, которую до появления полноценного музея того периода можно с полным правом называть уникальной, значительное число картин Булатова, Косолапова, Файбисовича, Вейсберга. Но есть шесть имен, составляющих костяк: Оскар Рабин, Дмитрий Плавинский, Лидия Мастеркова, Владимир Немухин, Олег Целков, Евгений Рухин. Цуканов — счастливый обладатель главных работ этих живописцев, а это и есть важнейшая цель настоящего собирателя. Соц-арт у Цуканова представлен знаменитой парой Комар — Меламид, есть полотна Ильи Кабакова. «Мы с ними подружались — с Ильей и Эмилией, — рассказывает Игорь. — Она невероятно много сделала для того, чтобы слава, которой Илья заслуживает, пришла к нему при жизни. Этот художник сейчас — часть мирового арт-истеблишмента. И все равно мы с Эмилией приходим к выводу: нет пока такого музея, в котором была бы представ-

лена полноценная коллекция Кабакова». «Сложно переоценить значение того, что со многими художниками, работы которых Игорь собирает, можно пообщаться лично, — подхватывает Наталья. — Рабин рассказывал, что в отсутствие ночных клубов в Москве их заменяли студии художников. Приезжали иностранцы, смотрели работы. Что-то покупали. Многие творцы только благодаря этому и выжили».

Особую роль в спасении русского искусства сыграли тогда заграничные дипломаты. Мы с Игорем немедленно обменялись именами дам из посольства Франции, которые покупали — за небольшие, по тем временам, деньги — работы неформалов и вывозили из страны, где им грозило уничтожение. «Эти потрясающие картины называли тогда мазней, и таможня их с радостью пропускала. Так что теперь мне приходят предложения от дилеров из Южной и Северной Америки, из Австралии, со всего мира. Но главный источник все-таки аукционы. Порядок цен — сто-сто пятьдесят тысяч долларов за полотно».

Размышления Игоря и Натальи о формате и месте будущего музея носят умозрительный характер — серьезного проекта пока нет. Но желание показать коллекцию настолько сильно, что в январе следующего года мечта о большой, полнокровной выставке должна наконец стать явью. В Лондоне пройдет грандиозный смотр неформального искусства («Концепция такая: Москва, 1956 год, модерн-арт. Мы все уже придумали», — заверяет Игорь), по размаху не уступающий китайской экспозиции, устроенной известным британским куратором Чарльзом Саатчи. Возможно, площадку для нее предоставит аукционный дом Phillips de Pury, как-никак находящийся в русских руках.

«Вы понимаете, мы самые обыкновенные люди, — подытоживает Наталья. — У нас нет сумасшедших денег. Этот дом мы купили, взяв ипотечный кредит. То, что мы тратим на коллекцию и другие программы, — это существенная сум-

Во владениях Натальи — хирургическая чистота. За окном — «вариации на тему бамбука».

Думаю, что лет через десять речь будет идти о миллионах, — делится Игорь, не собирающийся, разумеется, ничего из приобретенного продавать: все работы пойдут в музей, где бы он ни появился. — А еще... Рабина, Плавинского нельзя подделывать. И невозможно, и невыгодно. В Париже есть целые цеха, «выпускающие» Гончарову с Ларионовым. А про Айвазовского смешно говорить: даже светила не могут отличить оригинал от виртуознейшей копии».

ма для нас, не копейки. Но я, например, не покупаю драгоценностей, то есть вообще никаких — ни дорогих, ни подешевле. Смотрю иногда на цену какого-нибудь кольца — господи, да это же год учебы в Итоне для ребенка из скромной семьи! Так лучше одного живого человека выучить, чем, как Кошей, чахнуть над безделушкой». С Натальей, думаю, согласились бы не все — но ведь все и не живут в Royal Borough of Chelsea and Kensington в собственном доме с умными детьми, добрыми друзьями и великими картинами. ❖